

Среда.

Каникулы закончились, и Линь вернулся на работу в центральное отделение Инквизиции, в ритуальное подразделение.

Едва он вошёл в офис, как наставница Яркитога Драконли утащила его с собой — составить ей компанию на очередном совещании.

Хотя Линь уже не раз отличился, в центральном отделении он работал всего чуть больше девяти недель. В ритуальном подразделении всё ещё хватало инквизиторов выше его по рангу, с большими заслугами и куда более солидным стажем. И всё же Яркитога выбрала именно его, и Линь на миг почувствовал себя... тоже каким-то «блатным».

Однако, усевшись рядом с наставницей в большом конференц-зале первого сектора, Линь понял, зачем она взяла его с собой.

— ...Эта проверка проводится в масштабе всего города, — говорил с трибуны Фельдграу Дуофюр. — Совместно с полицейским управлением муниципалитета мы будем проверять сновидения всего населения. Соответствующую информацию вы уже знаете: Дева Серебряной Луны потерпела поражение в борьбе за область снов, но и мы не смогли удержать силу сна внутри Инквизиции. Родился новый тёмный бог. Он, став хозяином сновидений, способен через них осквернять каждого, кто видит сны. В такой ситуации каким бы абсурдным ни казалось содержание сна, оно может быть признаком одной из его акций или содержать связанные с ним зацепки. Мы обязаны быть внимательны.

На этих словах Фельдграу слегка нахмурился.

Впрочем, его выражение оставалось спокойным и внушало уверенность тем, кто слышал это впервые.

— Мы призываем всех к бдительности, но на данный момент не существует никаких способов защититься от него. Мы не можем запретить людям спать и не можем заставить спящих не видеть снов. В конце концов, по отношению к материальному миру сновидения — это иной мир. Однако и паниковать не стоит. Сознание всё же связано с телом: сон — это и странствие духа разумного существа, и определённая физиологическая активность мозга. От ассоциации алхимиков и от церкви Матери Первозданной Крови поступили хорошие новости: разработка препарата, подавляющего сновидения, уже успешно началась. Пройдёт немного времени — и он поступит на испытания.

Линь, слушая это:

— ...

Он на миг замер, делая пометки, и кончиком ручки ткнул в слова «препарат против снов».

«Вот это да».

После простуды Линь уже успел привести себя в чувство и не зазнавался из-за полученной власти над снами, но сейчас он понял, что всё равно недооценил этот магический мир.

«Чтобы противостоять богу снов — просто разработать средство для сна без сновидений? Да такими темпами через полгода-год его будут раздавать бесплатно, как противозачаточные, в виде социального блага! Противозачаточные оплачивает церковь Матери Первозданной Крови... а кто будет платить за средство от снов?»

Если бы деньги дали ему, он мог бы поклясться, что ни в чьи сны больше не полезет!

Фельдграу не заметил, что внизу сидит тёмный бог и что-то ворчит про себя. Он ещё немного поразъяснял стандарты проверки сновидений, а затем перешёл к следующему пункту.

— Помимо анализа снов, в ближайшее время необходимо усилить контроль за чёрным рынком. Позавчера специалист, присланный ассоциацией алхимиков, повторно проверил точку, где культ Искажения проводил кровавые ритуалы. На месте были обнаружены алхимические инструменты, которые культ использовал для подавления связи инквизиторов и определения их местоположения во время контакта. Штаб Инквизиции уже уведомил все городские отделения: данный тип алхимических инструментов отнесён ко второй категории контролируемых предметов. Мне нужен как можно более подробный отчёт о том, откуда они появились, как попали в Шпиневиль и есть ли в городе другие подобные устройства.

— Вас понял, верховный инквизитор, — кивнул начальник информационного подразделения.

— Тогда на этом всё, совещание окончено. — Фельдграу обвёл взглядом зал. — Поминальная церемония по погибшим состоится в субботу, церемония награждения — в следующий понедельник. А сверхурочные, возможно, продлятся до Нового года. Я утвердил специальные надбавки за участие в проверках, хотя они и не в полной мере компенсируют ваш труд... Давайте работать дальше.

«Специальные надбавки!» — глаза Линя загорелись.

Но, подняв взгляд на верховного инквизитора, он ощутил странное, тяжёлое чувство.

Прошлой ночью, пересчитывая немногие источники света в зажжённых зеркалах, Линь неожиданно... досчитал и до верховного инквизитора.

В тот момент его словно молнией шарахнуло — волосы на всём его теле встали дыбом. Он пересчитал ещё раз и убедился: зеркало рядом с верховным инквизитором действительно было

освещено. Линь даже сумел через латунное основание настольной лампы на рабочем столе увидеть, какие документы тот тогда просматривал... В общем, Линь немедленно прекратил подглядывать и в оцепенении подумал, что в подземном городе молнии вряд ли до него доберутся, но вот Близнецы Диссонанса вполне могут его пристрелить.

Но ведь из всех их последователей он хотел «увести» только одну Снежноцапку!

Он не собирался совершать столь тяжкий грех, как переманивание апостола!

Линь так и не смог уснуть, поэтому, поразмыслив, обратился к учителю Моисею.

— Ты уверен, что не получал молитв? — спросил Моисей.

— С памятью у меня всё в порядке, — ответил Линь. — С момента пробуждения я точно получал молитвы лишь от Кристабель, от тебя, а ещё случайные — от Снежноцапки и от Хороправа. В этом я абсолютно уверен. Но когда я пересчитывал источники света, их явно стало больше...

— Больше? — удивился Моисей. — От кого именно?

— А-ха-ха... — Линь, зная, как этот священник тёмного бога относится к верховному инквизитору, соврал, превратив «одного» в «нескольких». И теперь, когда его спросили, кто именно эти «несколько», он был вынужден неловко отвести взгляд.

Поэтому он не заметил, как изменился взгляд Моисея и как исказилось его лицо.

Моисей понял, что одно из его недавних предположений оказалось правдой. Помолчав довольно долго, он сказал:

— Молитва — это способ установить связь между богом и человеком. Но он далеко не единственный.

Линь поспешно отвернулся, приняв вид прилежного ученика, и сказал:

— Пожалуйста, объясни подробнее.

— Когда ты установил связь с Кристабель, она ведь тоже не молилась тебе, — Моисей так же привёл выражение лица в порядок, и из-за чрезмерной сдержанности его тон даже стал холодноватым. — Рядом с тобой находились останки Мелодии Раковины, и они дали ещё не пробудившейся силе особое усиление. Во сне ты через зеркало случайно встретился с Кристабель в реальности.

Линь и сам приходил к такому выводу. Он рассказал Моисею о своём пробуждении и о собственном анализе, и Моисей счёл его рассуждения вполне логичными.

Однако теперь Моисей понял, что факторов, подтолкнувших пробуждение Линя, могло быть больше, чем одни лишь останки Мелодии Раковины.

Связь с Оком Зазеркалья была установлена, но ни через веру, ни через молитву.

Возможно, связь появилась с кем-то, кто долго наблюдал за Линем — ничего не прося и лишь отдавая.

Кем же являлся этот «кто-то»?

Тем, о ком юный тёмный бог предпочёл умолчать в его присутствии.

Человеком, который в тот момент, когда Линь был на грани пробуждения, ехал с ним в одном поезде метро, более того — в одном вагоне, и нёс с собой останки Мелодии Раковины.

«А пробудился ли Линь на самом деле из-за Кристабель? — Моисей засомневался. — Не было ли кого-то, кто зажжёт одно из зеркал Линя ещё раньше — просто тогда спящий Линь этого не заметил, а затем, услышав, что Кристабель готова отдать всё, он проигнорировал его?»

Моисей плотно сжал губы.

«Мередис... Нынешний повелитель, которому я служу, как человек — столь юн, как бог — столь младенчески молод. Что же мне... следует делать?»

— ...Так же как и простое произнесение твоего истинного имени перед зеркалом не обязательно донесёт голос до твоих ушей, — с трудом продолжил Моисей, приводя мысли в порядок. — До сих пор успешные молитвы тебе всегда сопровождалась просьбой, когда молящиеся звали твоё истинное имя или божественное имя. Поэтому, даже не называя твоего имени...

— Даже не называя имени, — Моисей говорил слишком медленно, и Линь сам сделал вывод, — если есть просьба, можно установить связь?

— Нет, — Моисей осторожно подбирал слова. — Нужно, чтобы был контакт и разговор с тобой самим. Этот контакт заменяет этап призыва имени. А затем... необходимо сильное чувство, чётко направленное на тебя.

— У-ах... — Линь тут же понял и вздрогнул. — Неужели верховный инквизитор так сильно ненавидит Око Зазеркалья?!

Моисей, который долго подбирал формулировку:

— ...

Моисей, которого одной фразой сбили с мысли:

— А?

«Как ты вообще додумался до ненависти?!»

Ему что, и правда не стоит переживать о душевных делах Линя?

***

Линь так и не заметил внутренних метаний своего священника.

Он считал данный вывод безупречно логичным.

Юному тёмному богу было трудно представить, чтобы верховный инквизитор испытывал к кому-то чувства, сравнимые по силе с верой или молитвой.

«Хотя... Моисей говорил, что нужно сильное чувство — обязательно ли оно должно быть равно вере? Ладно, потом уточню», — просто Линь никогда не видел, чтобы верховный инквизитор терял самообладание.

Даже после того, как Линь отобрал власть над снами, Фельдграу Дуофюр сумел хладнокровно оценить ситуацию и сначала разобраться с проекцией Девы Серебряной Луны.

Так что чувства верховного инквизитора к Оку Зазеркалья, пусть и сильные, вряд ли доходили до ненависти?

Но если вспомнить те несколько выстрелов, что он сделал по Оку Зазеркалья... Разве можно сказать, что это было не сильно? Очень даже сильно.

Неприязнь. Отвращение.

Линь решил, что дело именно в этом.

Если продолжать в таком ключе, то, когда его маска Ока Зазеркалья спадёт, удар по верховному инквизитору будет слишком тяжёлым.

Моисей был прав: Линю следует держаться от него на расстоянии. Тогда, если правда раскроется, психологический удар будет слабее, а чувство вины за обман — меньше.

Укрепившись в этом решении, Линь увидел, что после собрания наставница Яркитога собирается что-то обсудить с верховным инквизитром. Он придумал предлог, не пошёл с ними и первым вернулся в ритуальное подразделение.

Там он сразу же принялся за работу.

Во время боёв на прошлой неделе многие здания центрального отделения были повреждены, а вместе с ними — и размещённые внутри ритуалы. Всё это требовало поочерёдной проверки, восстановления или полной перенастройки.

Такая работа нуждалась в сосредоточенности и аккуратности. Когда Линь закончил свой участок, рабочий день уже подошёл к концу.

Он был бы и рад продолжить, чтобы заработать надбавку за сверхурочные, но наставница Яркитога буквально выгнала его, заявив, что он явно плохо спал и ему нужно отдохнуть.

Какой уж тут сон. Стоило закрыть глаза, как в голове начинало крутиться: «верховный инквизитор тебя ненавидит».

Пусть Линь и понимал, что это «тебя» относится лишь к Оку Зазеркалья, а не к инквизитору Линю, усталость всё равно не давала уснуть — он ворочался в постели без конца.

Хорошо хоть во время работы и учёбы он умел быстро отбрасывать лишние мысли, иначе сегодня наверняка наделал бы ошибок.

Линь вернулся в квартиру 203 апартаментов «Мятное масло», навестил Параибу, приготовил ужин и поел вместе с Хвостик и Пятнулей. В итоге он решил, что так беспричинно унывать нельзя, и пора вернуть мысли к его прямым обязанностям тёмного бога.

Ему требовалось решить одну небольшую проблему — ради своих верующих и коллег-инквизиторов в Альманвиле.

Радоцвет Сикадир — человек, который даже под давлением слухов и под надзором Инквизиции так и не выдал себя, — определённо не был обычным.

«Что ж, посмотрим, какую тайну прячет этот культист».

***

Альманвиль.

Снова подошло время окончания репетиции труппы спектакля «На борту "Доблестного"».

В раздевалке Кристабель накинула пальто, посмотрелась в зеркало и проверила синюю стеклянную бусину-кулон, висевшую у неё на груди.

Она купила её на барахолке, получив премию за донос. Её господь сказал ей, что изменил печать, сдерживавшую её страх, и оставил в стеклянной бусине благословение: когда она будет готова встретиться со страхом лицом к лицу — снять бусину; если снимет и не справится — снова надеть.

Получив кулон, Кристабель без колебаний тут же его опробовала.

Что до результата... В общем, сейчас бусина снова была на своём месте.

Затем она поправила ремень на талии под пальто, убеждаясь, что кинжал надёжно закреплён и его удобно выхватить.

Это был подарок в благодарность от Весполаро, полученный днём ранее.

— Э-э... Кинжал?

— Да-да! Спасибо, что пришла меня спасти! — пёсолюдка радостно виляла хвостом. — Я долго думала, что тебе подарить. Коллега-археолог нашёл на месте пожара осколки твоего канцелярского ножа... Э-э, я не хочу сказать, что носить его с собой плохо!

Подумав, Весполаро снова улыбнулась.

В её лазурных глазах плясал свет, и она очень серьёзно сказала Кристабель:

— Но ведь тебе нужно оружие, правда?

Оружие и правда придавало чувство безопасности.

Для Кристабель, у которой не имелось разрешения на ношение огнестрела и которая никогда не училась стрелять на стрельбище, кинжал являлся самым подходящим вариантом.

Она ещё раз проверила его и только после этого вышла из раздевалки.

Такая осторожность была неслучайной: всего несколько минут назад она приняла приглашение Радоцвета поужинать вместе.

<http://bllate.org/book/12612/1120014>